

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sbnivi>

Вина в деликтном праве: переосмысление

Севостьянова Ангелина Алексеевна

НИУ Высшая школа экономики – Москва, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 8852-8109

sevastyanovaw@mail.ru

Аннотация: Классическая правовая категория вины как элемента состава деликта формировалась в ходе разработки различных правовых концепций, каждая из которых находит все большее подтверждение своей обоснованности в ходе дискуссий между исследователями, представляющими различные типы научной рациональности. Последователи субъективной концепции вины вдохновляются естественным правом, а сторонники объективной ищут аргументы в позитивистской теории. Поэтому выбрать одну концепцию вины из разных парадигм представляется затруднительно, как и определить верной только естественную или позитивную школу права. Каждая концепция вины помогает найти справедливое решение для своей «категории» дел, но в рамках постклассического периода концепции вины с ее коммуникативной теорией истины и релятивизмом быть не может. Стремление вести право по бинарной формуле *или / или* вернет нас к классической рациональности, что с приходом субъективно-объективной вины (*и / и*) может лишить нас многомерности права. Усложняет изучение вины ее презумпция в деликтном праве, которая освобождает суды от необходимости детального исследования вины при установлении ответственности, поэтому недостаток эмпирических данных о вине порождает ощущение незавершенности и оставляет пространство для дальнейших правовых дискуссий. Цель – рассмотреть вину с позиции подходов, сформировавшихся в судебной практике, интерпретируя ее как объективно-субъективную категорию. Этот подход, основанный на постклассической теории права, позволяет охарактеризовать вину как словесное описание конкретного действия через закрепленную норму права в тексте решения. При этом анализ ситуации, воспринимаемой правонарушителем и существующей в его сознании, осуществляется через призму вовлеченности субъекта оценки в контекст правонарушения с учетом объективных обстоятельств. В результате установлено, что вина (как и другие элементы) – конструкт, то есть ее понимание возможно только в социальных отношениях, а не через зеркало природы (по Р. Рорти), основное назначение которого суды не видят в качестве условия деликтной ответственности.

Ключевые слова: вина, неосторожность, умысел, деликт, деликтная ответственность, гражданская ответственность, правовой конструкт

Цитирование: Севостьянова А. А. Вина в деликтном праве: переосмысление. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 147–160. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-147-160>

Поступила в редакцию 06.01.2025. Принята после рецензирования 27.01.2025. Принята в печать 30.01.2025.

full article

Fault in Tort Law: A Reinterpretation

Angelina A. Sevostianova

HSE University – Moscow, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 8852-8109

sevastyanovaw@mail.ru

Abstract: As an element of tort, the classical legal category of fault evolved together with other legal concepts. Each of these concepts finds increasing validation through the dialogue and debate among representatives of different scientific approaches. Followers of the subjective concept draw inspiration from natural law, while proponents of the objective concept seek justification in positivist theory. Therefore, choosing one concept of fault from different legal paradigms is as challenging as declaring either the natural or positivist school of law as the sole correct approach. Each concept of fault helps achieve fair resolutions within its own category of cases, yet a single overarching concept of fault cannot exist in the post-classical period, characterized by its communicative theory of truth and relativism. All attempts to frame law within the binary *either/or* formula come from classical rationality. Considering the subjective-

objective fault (*both/and*), such an approach may deprive the law of its multidimensional nature. Additionally, the presumption of fault in tort law relieves courts from the need to conduct a thorough examination of fault when determining liability. As a result, the lack of empirical data on fault fosters a sense of incompleteness and leaves room for further legal discourse. In this article, the author explores the concept of fault from the perspective of judges, interpreting it as an objective-subjective category. This approach is rooted in post-classical legal theory. It describes fault as the verbal articulation of a specific action embedded in the legal norm and reflected in the text of judicial decisions. The offender's perception exists within their consciousness. It is analyzed based on the evaluator's involvement in the context of the offense and all objective circumstances. Like other legal elements, fault is a construct, i.e., its understanding is possible only as part of social relations, not *in the mirror of nature* (as per R. Rorty). Courts, in this sense, do not regard fault as a necessary condition for tort liability.

Keywords: fault, negligence, intent, tort, tort liability, civil liability, legal construct

Citation: Sevostianova A. A. Fault in Tort Law: A Reinterpretation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 147–160. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-147-160>

Received 6 Jan 2025. Accepted after review 27 Jan 2025. Accepted for publication 30 Jan 2025.

Введение

Вина в деликтном праве всегда воспринимается как бинарная оппозиция: объективная и субъективная [1, с. 520; 2; 3], поведенческая и психическая [4; 5], гражданско-правовая и уголовно-правовая [6, с. 22], причинения и вины [7, с. 83] и др. Разрушение классической рациональности во взглядах на вину началось с появлением концепции субъективно-объективной вины [8, с. 70], хотя рассуждения о неоднозначности вины были и ранее (в трудах Е. А. Флейшиц) [9, с. 70].

Примечательно, что внутри концепций ученые также пытаются выработать полярные точки зрения. Например, что такое субъективность в контексте рассуждений о вине: с одной стороны, под ней понимают отношение причинителя вреда к своим действиям (бинарность хотел / не хотел), с другой – анализ поведения конкретного причинителя вреда именно с учетом его субъектных качеств (профессионал / непрофессионал). Объективность различными авторами понимается неоднозначно. Она может подразумевать установление субъективных элементов (хотел / не хотел; знал / не знал) на основе объективных обстоятельств, сопутствующих правонарушению (таких как оценка действий правонарушителя или анализ обстановки). К тому же объективность может означать констатацию самого факта причинения вреда.

Однако приведенные концепции требуют их деконструирования, т. к. ни субъективная вина (во всех ее проявлениях: желание, намерение, отношение лица к своему поведению или учет обстоятельств субъекта деликта), ни объективная вина (оценка внутренних процессов через объективные факты, анализ действительности, наличие самого вреда) в смысле, придаваемом им учеными, сами по себе не могут быть признаны конвенционально для определения вины по следующим причинам [10, с. 55]:

1. Правовое понимание происходящей реальности может быть разделено на внешнюю (объективная реальность восприятия), внутреннюю (субъективные намерения лица) и нормативную (социокультурная приемлемость действий) составляющие. Это различие подчеркивает, что каждая из них имеет самостоятельное место в правовой науке, не исключая и не подменяя друг друга, что доказал Ю. Хабермас [11, с. 84]. Внешняя составляющая проявляется через поведение правонарушителя, которое воспринимается третьими лицами (непосредственно или косвенно). Внутренняя составляющая, хотя и не поддается прямой правовой оценке из-за ее субъективного характера, остается важной, поскольку любой деликвент действует, исходя из намерений, желаний и других мотивов. Тем не менее некоторые исследователи исключают ее из понятия вины из-за сложности объективного анализа. Нормативная составляющая выражается в оценке поведения правонарушителя третьими лицами, основанной на совпадении или несовпадении с их ожиданиями, а в рамках позитивистской модели – на соответствии нормам закона.

2. Нормативные утверждения не поддаются проверке через традиционные эпистемологические методы (истина или ложь), поскольку они зависят от культурных и социальных контекстов, в которых они функционируют. Следовательно, если объективная вина не может быть однозначно верифицирована или фальсифицирована, то *a fortiori* субъективная вина не может быть достаточно осмыслена для ее единственного применения. Однако отсутствие такой фальсификации не свидетельствует о том, что субъективная вина отсутствует. Вина как правовая категория не сводится исключительно к объективным или субъективным аспектам, а представляет собой взаимодополнение.

3. Нормативные утверждения содержат перформативную установку, выражающую намерения субъекта и, что самое важное – это ожидание их приемлемости другими субъектами. Это указывает на то, что вина в деликтах зависит не только от индивидуальных особенностей причинителя вреда, но и от того, как поведение воспринимается третьими лицами, соответствует ли оно ожиданиям оборота (признание стандарта среднего человека в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25)¹.

4. Низкая эффективность процессуальных механизмов установления субъективной вины в гражданском процессе, а также скептическое отношение судей к свидетельским показаниям, что ограничивает объективную концепцию.

5. Декларирование в ст. 1064 ГК РФ презумпции вины, что дает возможность судьям не устанавливать данный элемент состава деликта, но указать в решении на ее наличие по причине непровержения ее ответчиком.

Приведенные размышления подтверждают, что исходить исключительно из субъективной или объективной вины представляется неверным, т. к. это ограничивает правовую рациональность и может привести к несправедливым решениям. Например, если делинквент Н. утверждает, что не хотел причинить вред, но по объективным обстоятельствам установлено, что удар был нанесен, вывод о его невиновности из-за отсутствия намерения вряд ли будет справедлив (доведение до абсурда). Также несправедливыми будут решения крайней позиции объективной вины, когда вина устанавливается в силу факта наличия вреда. Подобное понимание вины смешивается с концепцией строгой ответственности, т. е. когда в *corpus delicti* отсутствует элемент вины. Кроме того, вред как последствие не всегда является обязательным элементом состава деликта, исключением служит так называемый «грозный деликт», при котором наступление вреда лишь предполагается, но еще не наступило.

Применение подобной концепции вины находит отражение в судебной практике. Так, Верховный Суд РФ признал подрядчика, оказавшего услугу по предоставлению платного проезда по автомобильной дороге М-4 «Дон», виновным в инциденте, в результате которого автомобиль столкнулся с диким животным, что привело к причинению имущественного вреда². Анализ судебного акта показывает, что для констатации вины в форме неосторожности было достаточно факта причинения вреда.

Среди концепций вины рассматривается стандарт разумного человека (*reasonable test*) [12, с. 56], который вызвал особенно оживленную дискуссию среди ученых и судей разных правовых порядков. В контексте российской судебной практики по деликтной ответственности суды редко используют данный тест. Суды предпочитают использовать традиционные подходы к установлению вины, ориентируясь на конкретные факты дела и применяя нормы законодательства без активного использования более сложных теоретических моделей. На наш взгляд, главная проблема применения такого теста заключается в том, что все люди подвержены ошибкам. Как оценить ситуацию, в которой любой человек на месте правонарушителя мог бы совершить тот же проступок, если все тесты строятся на предположении об идеальном, никогда не ошибающемся человеке? Это создает сложности при применении стандартов, которые не учитывают человеческие ошибки и реальную способность к предвидению последствий своих действий, что может привести к несправедливым результатам в правоприменительной практике. Право не должно и не может создавать из человека Геркулеса (по Р. Дворкину), в ином случае мы будем мерить ятрогенные деликты по стандарту врача в частной клинике, где всегда есть персонал, врачи не ограничены во времени обследования, средствах и много отдыхают. Средний человек не способен на причинение вреда, поэтому насколько справедливо мерить тех, для которых создано право деликта и ответственности с тем, для кого данной правовой парадигмы не существует? Оценка поведения лица на основе объективной вины, осуществляемая путем сопоставления с заранее установленным судом абстрактным трафаретом, невозможно без анализа субъективных факторов: знаний правонарушителя, его возможностей, границ свободы действий, а также профессиональных и личностных качеств. Без учета этих элементов перенос ситуации на абстрактную модель превращается в безапелляционный иллюзорный процесс очерчивания границ трафарета, лишенный реальной связи с обстоятельствами дела (как это происходит сейчас в судебной практике из-за презумпции вины).

Методы и материалы

Наиболее распространено раскрытие вопроса о категории вины в деликтном праве посредством исторического или формально-юридического анализа. При этом их применение, как правило, игнорирует эмпирические данные, что сводит вину к сугубо теоретической дискуссии [13, с. 117]. Тогда как любые

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015. СПС КонсультантПлюс.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 14-КГ24-15-К1 от 22.10.2024. СПС КонсультантПлюс.

юридические понятия в гражданском праве, включая вину, являются интерпретативными, т. е. их понимание зависит от интерпретатора или интерпретирующего сообщества [14, р. 225–227; 15, р. 25; 16, р. 45]. Сколько-нибудь юридически значимую интерпретацию юридическому понятию дает именно суд, чем объясняется особое внимание автора к судебной практике. В настоящей статье мы предпримем попытку преломить достижения постклассической теории права к пониманию вины, используя ее методологию. Особое внимание будет уделено методу деконструкции (по Ж. Деррида), согласно которому, в первую очередь, нельзя сводить вину только к устоявшимся постулатам: виновен / не виновен или умышленно / неосторожно.

Результаты

Установление умышленной вины

Характеристика умысла не представлена в нормативных актах и весьма поверхностно раскрывается в юридической литературе. Выходит, что более ясный ответ может быть обнаружен только в судебных текстах.

1. В подавляющем большинстве случаев суды констатируют умышленную вину **автоматически**. В частности, вина квалифицируется в качестве умышленной тогда, когда умысел (прямой или косвенный) установлен:

- вступившим в законную силу обвинительным приговором³;
- вступившим в законную силу постановлением суда по делу об административном правонарушении⁴.

Это, как нам представляется, игнорирует позицию Конституционного Суда РФ о том, что привлечение физического лица к ответственности за деликт в каждом случае требует установления судом состава гражданского правонарушения; иное означало бы необоснованное смешение различных видов юридической ответственности, нарушение принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности⁵.

С другой стороны, Верховный Суд РФ, хотя и следуя приведенной правовой позиции, в решениях по гражданским делам смешивает различные виды юридической ответственности, усматривая противоречие между выводом о гражданско-правовой вине лица и наличием постановления о прекращении уголовного дела. Нижестоящие суды в этом вопросе остаются на своей позиции, строго принимая во внимание именно конституционно-правовые предписания⁶. Очевидно, что мотивировочная часть судебного решения в таких случаях должна содержать процесс установления гражданско-правовой виновности или невиновности лица, но не указание на противоречие между тем, что уголовное дело прекращено, а в гражданском деле установили вину.

В другом деле Верховный Суд РФ также мотивировал отмену судебного акта нижестоящей инстанции тем, что уголовное дело не возбуждалось, обвинительный приговор не выносился, но гражданско-правовая ответственность все же была⁷.

Хотя такая практика не является единичной⁸, в массиве правоприменительных решений имеются исключительные случаи, когда Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ подчеркивает обязанность суда устанавливать вину в гражданском процессе самостоятельно, не придавая заранее установленной силы в этом вопросе судебным решениям запретительных отраслей права, в том числе постановлению по делу об административном правонарушении⁹.

Труднее сказать об установлении вины по гражданскому делу при наличии процессуального документа о прекращении уголовного дела в связи с освобождением от уголовной ответственности, т. е. на основании главы 11 УК РФ. Такие случаи довольно распространены и могут быть сведены к 4 основаниям: деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ), примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), возмещение ущерба (ст. 76.1 УК РФ), назначение судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). В перечисленных случаях уголовное дело подлежит прекращению по реабилитирующим основаниям,

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 4-КГ23-88-К1 от 23.01.2024; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 18-КГ22-106-К4 от 07.02.2023; Определение Пермского краевого суда по делу № 33-2560/2023 от 28.02.2023; Решение Арбитражного суда Московской области по делу № А41-47657/2022 от 21.02.2023; Определение Саратовского областного суда по делу № 33-9045/2022 от 08.11.2022; Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-14487/2023 от 05.09.2023. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 18-КГ23-223-К4 от 23.01.2024; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 48-КГ22-16-К7 от 12.07.2022; Определение Иркутского областного суда по делу № 33-10658/2023 от 11.12.2023; Определение Белгородского областного суда по делу № 33-4117/2023 от 22.08.2023. СПС КонсультантПлюс.

⁵ По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса РФ, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса РФ, статьи 199.2 Уголовного кодекса РФ и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лыска и А. Н. Сергеева. Постановление Конституционного Суда РФ № 39-П от 08.12.2017. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 4-КГ23-88-К1...

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 18-КГ22-106-К4...

⁸ Решение Ленинский районного суда г. Саранска по делу № 2-2368/2023 от 11.12.2023. СПС КонсультантПлюс.

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 78-КГ24-1-К3 от 01.04.2024. СПС КонсультантПлюс.

т. е. в действиях обвиняемого (подозреваемого) имеет место основание уголовной ответственности – все признаки соответствующего состава преступления, включая вину (ст. 8 УК РФ). В таком случае лицо не осуждено и не оправдано, но освобождено от ответственности, к тому же «говорить об освобождении от уголовной ответственности можно лишь тогда, когда эта ответственность существует, т. е. когда есть от чего освободиться» [17, с. 83].

В связи с этим следующая позиция является обоснованной применительно лишь к вышеуказанным статьям уголовного закона: Уголовное преследование в отношении ответчика прекращено не по реабилитирующему основанию, с чем ответчик был согласен при рассмотрении уголовного дела, не настаивая на прекращении производства по иным – реабилитирующим основаниям, соответственно, довод ответчика о том, что она не была признана виновной в совершении преступления, признан не имеющим правового значения для настоящего дела¹⁰.

Здесь же стоит отметить не абсолютность этого правила для разрешения гражданских дел ввиду особенностей уголовно-правового регулирования. Так, прекращение уголовного дела в связи с истечением давности (ст. 78 УК РФ) не всегда указывает на наличие признаков состава преступления в действиях лица, хотя по действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (УПК РФ) данное основание является нереабилитирующим. Более того, в науках криминального цикла ведутся споры о необходимости признания данного основания в качестве реабилитирующего. Некоторым компромиссом стало недавнее введение ч. 2.1 ст. 27 УПК РФ с целью реализации Постановления Конституционного Суда РФ № 33-П от 18.07.2022¹¹. Новая норма гласит, что если лицо возражало против прекращения уголовного дела в связи с истечением давности и в период продленного

срока расследования вина лица не была установлена, то уголовное дело прекращается по реабилитирующему основанию. Это еще раз подчеркивает, что в гражданском деле суды не имеют оснований ни для автоматического установления вины, ни для констатации ее отсутствия, т. к. прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям суть уголовной политики, цель которой не сводится к определению виновности или невиновности лица.

На наш взгляд, в случае если уголовное дело было прекращено по основаниям, не связанным с истечением давности, стандарт опровержения вины будет гораздо выше. Иными словами, суд имеет возможность приписать виновность лица, если иное не будет доказано вне разумных сомнений в гражданском процессе ответчиком (в условиях презумпции вины в деликтном праве). По гражданским делам, в которых лицо является ранее освобожденным от уголовной ответственности в связи с истечением давности, судам следует устанавливать вину самостоятельно, а материалы уголовного дела могут служить лишь письменными доказательствами¹².

2. В случае если в отношении лица не были приняты процессуальные решения в рамках уголовного или административного процессов, суды устанавливают **умысел, исходя из параметров нарушения стандартов поведения**. Умысел принято связывать с тем, что лицом не предприняты никакие меры заботливости и осмотрительности с учетом дополнительных обстоятельств (продолжительность правонарушения, общественная опасность, очевидность)¹³.

В этой связи суды нередко постулируют нормы УК РФ о признаках умышленной вины без какого-либо гражданско-правового объяснения. В частности, можно встретить следующие рассуждения правоприменителей: под умыслом понимается предвидение вредного результата противоправного действия и желание (либо сознательное допущение) наступления последствий¹⁴.

¹⁰ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции № 8Г-21928/2023 от 08.11.2023; Постановление Верховного Суда Республики Башкортостан № 33-2996/2023 от 21.02.2023; Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции № 8Г-33319/2022 от 31.01.2023. СПС КонсультантПлюс.

¹¹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса РФ и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова. Постановление Конституционного Суда РФ № 33-П от 18.07.2022. СПС КонсультантПлюс.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 55-КГ22-6-К8 от 31.01.2023. СПС КонсультантПлюс.

¹³ «допущенные ответчиком нарушения носили массовый характер ввиду предложения к продаже в сети Интернет, что позволило привлечь широкий круг потребителей, а также высокую степень общественной опасности по причине предложения к продаже несертифицированного товара неизвестного происхождения, истцом был зафиксирован длящийся характер нарушения, а также не совершения каких-либо действий по прекращению нарушения исключительных прав истца, что также свидетельствует об умышленности действий»: Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда по делу № А40-184517/2018 от 18.09.2019; Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда по делу № А40-166839/2018 от 08.04.2019; Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда по делу № А40-169068/2018 от 23.01.2019. СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А06-11385/2019 от 17.10.2023; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А32-57529/202 от 11.09.2023; Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции № 8Г-17003/2023 от 06.06.2023; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А48-9288/2022 от 27.03.2023; Постановление Арбитражного суда Центрального округа по делу № А64-7394/2018 от 15.09.2020; Постановление Арбитражного суда Уральского округа по делу № А50-177/2018 от 20.12.2018; Решение Центрального районного суда города Волгограда по делу № 2-3871/2023 от 13.09.2023. СПС КонсультантПлюс.

В иных случаях со ссылкой на аналогию закона (ст. 6 ГК РФ) суды приводят в полном объеме положения ст. 25 УК РФ «Преступление, совершенное умышленно»¹⁵ и описывают вину в ее уголовно-правовом понимании.

Примечательно, что анализ судебной практики показывает стремление правоприменителей исключить умышленный характер вины, если:

- приговором или решением суда по делу об административном правонарушении не был установлен умысел¹⁶;
- когда имелось ненадлежащее исполнение обязанностей («По мнению судов, умысел ответчика выражается в нарушении требований Закона о банкротстве. Однако указанное не означает, что нарушение им названных обязанностей, а также иных требований закона само по себе свидетельствует о наличии в его действиях вины в форме умысла»)¹⁷;
- или при таком поведении лица, которое просто не соответствует необходимому стандарту [18] (как это было в деле о привлечении арбитражного управляющего к ответственности за причиненные убытки кредиторам в результате того, что его действия отклонялись от стандарта поведения обычного арбитражного управляющего, что, по мнению судов, свидетельствует о грубой неосторожности, а не об умысле)¹⁸.

Анализ судебной практики показывает, что нет оснований утверждать, что суды придерживаются исключительно субъективной или объективной концепции вины при установлении умысла, поскольку в правовой действительности применяется сочетание обеих концепций без строгого их разграничения [19, с. 256]. Многими зарубежными авторами признано, что концепции вины и ее элементы могут дублировать друг друга [20, р. 23]. Так, на это обращал внимание Апелляционный суд Англии и Уэльса, отмечая, что «все эти тесты неизбежно пересекаются»¹⁹.

Нам действительно важны внешние проявления, выражающиеся в фактических действиях лица, совершающего правонарушение. Причинитель вреда может утверждать, что он не хотел совершать неправомерное действие, более того, он даже мог действительно не хотеть наступления негативных

последствий, но обстоятельства конкретного дела могут свидетельствовать об обратном. Об этом же пишут J. K. Robbennolt и V. P. Hans, отмечая, что в деликтном праве действия, совершаемые с желанием произвести эффект, и действия, совершаемые со знанием того, что эффект наверняка наступит, рассматриваются как равнозначные для целей умышленных деликтов. Согласно этому правилу, Н. признается ответственным за умысел (при нанесении побоев), т. к. очевидно, что Н. в значительной степени был уверен, что его действия вызовут соответствующие последствия (причинения вреда здоровью), даже если это и не входило в его цели, желания [21].

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда указано: «Суд апелляционной инстанции также не проанализировал то обстоятельство, что Галышев **в силу своего возраста** осознавал, что в случае неблагоприятного падения семимесячного ребенка и соударения его различными частями тела с поверхностью земли у ребенка могли образоваться повреждения различной степени тяжести, которые как по отдельности, так и в совокупности могли сопровождаться развитием угрожающих жизни состояний и повлечь наступление смерти потерпевшего»²⁰ (прим. – выделено автором). Как можно заметить, в данном случае используется объективная концепция, согласно которой выбрасывание младенца из окна неминуемо влечет смерть, что свидетельствует об умысле. Выкидывание чего-либо может привести к разрушению, не говоря уже о выкидывании ребенка. В этом деле четко проявляется формула умысла, которая заключается в следующем: осознание лицом упреčnosti собственного поведения (приписывается судами презумптивно), предвидение реальной возможности наступления последствий (приписывается судами презумптивно) на основании ожиданий третьих лиц [22]. Следовательно, все субъективные составляющие вины судами приписываются, даже если на самом деле лицо не предвидело возможных последствий своих действий, что еще раз подчеркивает сложность понятия вины. Если мы представим, что описанное нами дело стало предметом рассмотрения гражданского суда о взыскании вреда, причиненного преступлением, то, как мы можем утверждать из результатов

¹⁵ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-25746/2022 от 08.02.2023; Определение Верховного суда Республики Татарстан по делу № 33-1249/2020 от 13.02.2020; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А71-14714/2019 от 17.08.2020; Постановление Третьего кассационного суда по делу № 8Г-1333/2024 от 14.02.2024; Определение Иркутского областного суда по делу № 33-9531/2018 от 01.11.2018; Определение Верховного суда Чувашской Республики по делу № 33-460/2018 от 07.02.2018; Решение Арбитражного суда Липецкой области по делу № А36-210/2020 от 23.06.2020. СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-5143/2023 от 31.10.2023. СПС КонсультантПлюс.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делу № 309-ЭС17-4796 от 16.08.2017. СПС КонсультантПлюс.

¹⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 310-ЭС17-4393 от 17.08.2017. СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ Court of Appeal of England and Wales, *Roe v Minister of Health* [1954] 2 QB 66. Legal reference system "Legal Data".

²⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 45-УДП23-31К7 от 23.08.2023. СПС КонсультантПлюс.

обобщения судебной практики, установление вины свелось бы к констатации вступившего в силу приговора суда, а значит, и о наличии состава деликта без выяснения вины при достаточном доказательстве самой противоправности.

Для избежания простого постулирования представляется необходимым показать, как это работает с позиции социального конструирования правовой реальности [23, с. 70]:

- 1) в большинстве приговоров «уголовная» формула вины подробно не описывается судами, которые опускают даже нормативно установленные признаки по ст. 25 (умысел) и ст. 26 (неосторожность) УК РФ. Вывод об умысле или неосторожности для целей возложения уголовной ответственности, как показывает анализ судебной практики, делается на основании фактических обстоятельств дела;
- 2) большинство решений по гражданским делам, где описывается умышленная форма вины, представляют собой изложение фактических обстоятельств, которые уже были установлены в рамках предшествующего цивилистическому процессу, указывая на противоправность, которой достаточно для признания лица ответственным за совершенный деликт;
- 3) простое несоблюдение стандартов достаточно для возложения ответственности, но недостаточно для определения степени ответственности, на которую влияет умышленная форма вины. Установление же умысла происходит через подробный анализ фактических обстоятельств, которые, по сути, выражаются в описанной ранее формуле. Так, суд установил, что у правонарушителя было осознание (знание) совершаемого деяния (приписывание), а именно продажа несертифицированного товара неизвестного происхождения под чужим товарным знаком, т. к. продавал его именно он; предвидение негативных последствий (приписывание), заключающееся в том, что любой и каждый при использовании товарного знака, принадлежащего другому лицу, на нелегализованных товарах приводит к уменьшению деловой репутации, а также к ущербу правообладателя, тем более когда такие действия носят массовый характер; лицо не исключало возможность наступления последствий (приписывание) по причине своего поведения, предвидело их (приписывание), что подтверждает длящийся характер нарушения и знание о высокой деловой

репутации владельца товарного знака²¹. Снова все субъективные составляющие лишь приписываются, а вина строится на изложении фактических обстоятельств, которые противоречат нормам-запретам, ожиданиям третьих лиц.

Как пишет Р. А. Duff, четкого деления между *actus reus* и *mens rea* нет, поскольку каждый раз, когда мы пытаемся найти в этом четкую дихотомию, то приходим лишь к проблемам ввиду того, что сами по себе человеческие действия для права ничего не означают, как и воля в отрыве от действия. Нажатие выключателя без осознания того, что тем самым лицо приводит в действие бомбу, не свидетельствует о его виновности, которая доказывается объективными фактами (доказательства знания лица о взрывном устройстве, информационная осведомленность), как и наоборот: осознание и желание взорвать бомбу в отрыве от объективно направленных на это действий остается юридически безразличным [24, с. 202; 25, с. 226].

На этом делает акцент Д. В. Дождев в одной из своих последних работ, которая посвящена умыслу в договорной ответственности, а именно: «Нормативные ожидания кредитора на психологическом уровне проявляются как доверие, но выходят далеко за рамки индивидуальной психики. Они относятся к социальному уровню личности, к сфере регулирования, нормирования и обладают **формальной экзистенцией**» (прим. – выделено автором) [26, с. 45]. На наш взгляд, данный вывод полностью применим к умыслу в деликтах. Более того, в высказывании Д. В. Дождева отмечено самое важное – неуловимая игра субъективного и объективного в вине, где объективное воплощает в себе субъективные проявления правонарушителя. Поэтому вывод, который можно встретить во многих работах, о том, что субъективная и объективная концепции вины не применимы к одному и тому же деликту, с нашей точки зрения, является спорным.

Это же подтверждает Конституционный Суд РФ, когда пишет, что «умышленно лишь в тех случаях, когда на основе обстоятельств, свидетельствующих об **очевидности** для должностных лиц (работников) юридического лица, ответственных за исполнение данных требований, противоправности их действий (бездействия) и о возникновении, в связи с этим реальной угрозы»²² (прим. – выделено автором). Та самая объективная очевидность как раз свидетельствует об умысле правонарушителя, но что понимается под *объективно очевидным*? На наш взгляд, указанное ассоциируется с законодательными запретами, поскольку преобладающее число гражданских дел,

²¹ Постановление Четвертого Арбитражного апелляционного суда по делу № А78-8004/2023 от 28.11.2023. СПС КонсультантПлюс.

²² По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Востокфлот». Постановление Конституционного Суда РФ № 39-П от 21.07.2021. СПС КонсультантПлюс.

в которых был установлен умысел, основаны на том, что это же лицо ранее было привлечено к ответственности за нарушение уголовно-правового запрета, установленного конкретной нормой особенной части УК РФ. Аналогично в гражданском праве – нарушение запрета, скорее всего, будет свидетельствовать об умысле. Верно пишут Н. Kozioł и соавторы о том, что намерение (умысел) лица в причинении вреда считается установленным, если лицо знало, что действие является запрещенным и такое действие может причинить вред [27, с. 601].

Дифференциация видов умысла в деликтном праве обычно не проводится. Суды рассматривают как прямой, так и косвенный умысел в уголовном праве как единый умысел в деликтном праве. Однако в некоторых случаях встречаются исключения:

- «была установлена вина Васильева А. И., равно как и наличие косвенного умысла»²⁵;
- «усматриваются признаки вины работников... в форме умышленного бездействия (косвенного умысла), так как, неоднократно запуская насос при закрытой заглушке манифолда в нарушение инструкций, указанные лица допускали наступление опасных последствий в виде аварии»²⁴;
- «отсутствие прямого либо косвенного умысла на причинение истцу вреда здоровью, руководствуясь требованиями разумности и справедливости, суд считает необходимым снизить размер компенсации морального вреда»²⁵;
- «учитывает вину ответчика, который, усматривая на товаре товарный знак, мерк к установлению его владельца не предпринимал, что свидетельствует об умышленном характере его вины с косвенным умыслом, поскольку лицо знало и понимало, что использует товарный знак, на который ему не было предоставлено прав, но сознательно допускал возможность реализации товара без разрешения собственника»²⁶;
- «Есин Д. С. не мог не осознавать с учетом сферы его полномочий, в которые входили действия по осуществлению должного контроля финансовых операций обществ, противоправного характера своих действий, предвидение возможности наступления вредных последствий и желание (прямой умысел) или сознательное допущение (косвенный умысел) их наступления. Соответственно, допущенные бездействия Есина Д. С. в такой ситуации обладают умыслом»²⁷.

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что умысел в деликтном праве – это не только субъективная концепция. О начале вины можно утверждать лишь в контексте приписывания судами таких терминов, как *предвидел, осознавал, хотел*, которые на самом деле не имеют практического значения, а используются в силу традиции необходимости их отражения в тексте судебного решения. Конструирование умысла происходит через объективные обстоятельства дела. Если институт преюдиции основывается на возможности использования установленных фактических обстоятельств из уголовного дела, то в сочетании с презумпцией вины в деликтном праве умысел становится эфемерной категорией.

Установление неосторожной вины

Неосторожность является типичным видом вины в деликтном праве, умысел скорее исключение из общего правила. В судебной практике принята позиция, что неосторожная вина следует из такого поведения, при котором причинителем вреда проявлена хотя бы минимальная степень заботливости и осмотрительности. Вместе с тем такой ход мысли может привести лишь к преждевременным и в некоторых случаях ошибочным выводам. Например, находясь в своей квартире на пятом этаже здания, не желая выносить колесо от автомобиля, лицо начинает сбрасывать его из окна. Представим, что с заметным криком из окна лицо предупредило всех окружающих: *Берегись, кидаю колесо!* Сброшенное из окна колесо от соударения с поверхностью земли отпрыгивает и падает на ребенка, причиняя ему смерть. Мгновенно действие, начинавшееся как попытка избавиться от неудобства, оказывается деликтом. Лицо предприняло минимальную степень заботы путем предупреждения окружающих. Однако ожидаемо, что сбрасывание тяжеловесного колеса в людный двор содержит в себе реальную возможность причинения смерти человеку. Надежда на предотвращение вреда не основана на реальных обстоятельствах, способных предотвратить последствие [28, с. 88].

Более того, данная концепция вызывает много вопросов: какие предпринятые меры можно отнести к тем, которые могут быть учтены в качестве юридически значимых; что такое минимальная степень и как в каждом случае она определяется?

1. **Установление грубой неосторожности.** Суды при определении грубой неосторожности прибегают к доктрине, воспроизводя в судебных актах такие идеи: «по абстрактному мерилу вины под грубой

²⁵ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А56-110625/2017 от 08.10.2018. СПС КонсультантПлюс.

²⁴ Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-73235/2016 от 07.10.2016. СПС КонсультантПлюс.

²⁵ Решение Железнодорожного районного суда г. Хабаровска по делу № 2-2393/2023 от 27.11.2023. СПС КонсультантПлюс.

²⁶ Постановление Четвертого Арбитражного апелляционного суда № А78-8004/2023 от 28.11.2023. СПС КонсультантПлюс.

²⁷ Постановление Восьмого Арбитражного апелляционного суда по делу № А46-5666/2023 от 27.02.2024. СПС КонсультантПлюс.

неосторожностью потерпевшего следует считать такое поведение лица, при котором отсутствует та минимальная степень заботливости и осмотрительности, какую можно было бы ожидать от всякого обычного разумного человека, и непринятие им очевидных (хотя бы элементарных) мер в целях предотвращения наступления вреда»²⁸.

К минимальной степени и очевидным мерам также добавляются:

- нарушение очевидных правил поведения, не требующих специальных познаний в определенных сферах жизнедеятельности²⁹;
- действия, которые заведомо для лица создают явную угрозу наступления негативных последствий³⁰;
- явная неосмотрительность³¹.

Обозначенные маркеры помогают судам описывать случаи, когда нарушаются четко закрепленные требования, в том числе:

- правила дорожного движения («грубая неосторожность – не проявление лицом той минимальной степени заботливости и осмотрительности, какую можно было бы ожидать от всякого участника имущественного оборота, оказавшись он на месте должника, и непринятие должником очевидных (хотя бы элементарных) мер в целях избежания отрицательных последствий. В данном случае водитель понимал или должен был понимать, что нарушение им правил дорожного движения способно повлечь наступление вредных последствий, однако он самонадеянно рассчитывал избежать таких последствий»)³²;
- различные правила безопасности («проявив грубую неосторожность: "не проявление той минимальной степени заботливости и осмотрительности, какую можно было бы ожидать от всякого участника

имущественного оборота и непринятие очевидных мер", а именно, не убедившись в выключении газовой плиты, то есть, нарушив правила противопожарной безопасности»)³³;

- правила содержания животных (ослабление контроля за поведением собак, выпас скота вблизи электропередач)³⁴, содержания трассы для лыжни³⁵, а также коммунальные, строительные правила и правила охраны труда³⁶.

Как можно заметить, суды при установлении грубой неосторожности в принципе не устанавливают предпринятые правонарушителем меры, тем более их степень, как на то указывает ПП ВС РФ № 7.

При установлении грубой неосторожности суды анализируют типичность совершенного проступка, а затем приписывают указанное к предвидимости:

- «предполагает предвидение лицом большой вероятности наступления вредоносных последствий своего поведения и наличие легкомысленного расчета, что они (такие последствия) не наступят»³⁷;
- «грубая неосторожность со стороны собственника имущества предполагает не просто нарушение требований заботливости и осмотрительности, а несоблюдение элементарных, простейших требований, характеризующееся безусловным предвидением»³⁸;
- «грубая неосторожность предполагает предвидение большой вероятности наступления вредоносных последствий и наличие легкомысленного расчета, что они не наступят»³⁹.

Причинение вреда здоровью третьему лицу в результате нарушения ПДД действительно является классическим примером грубой неосторожности, т.к. это типичное правонарушение, а автоделикты

²⁸ Постановление Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда по делу № А53-12645/2008 от 24.02.2009. СПС КонсультантПлюс.

²⁹ Решение Петрозаводского городского суда (Республика Карелия) по делу № 2-290/2024 от 18.01.2024. СПС КонсультантПлюс.

³⁰ Решение Ленинского районного суда города Самары по делу № 2-4820/2023 от 12.10.2023. СПС КонсультантПлюс.

³¹ Решение Промышленного районного суда города Владикавказа по делу № 2-239/2016 от 23.02.2016. СПС КонсультантПлюс.

³² Постановление Седьмого Кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-22499/2023 от 19.12.2023. СПС КонсультантПлюс.

³³ Постановление Верховного суда Удмуртской Республики по делу № 33-354/2012 от 06.02.2012. СПС КонсультантПлюс.

³⁴ Решение Нефтекамского городского суда (Республика Башкортостан) от 26.10.2010 (б/н); Постановление Восьмого Кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-1779/2024 от 13.02.2024. СПС КонсультантПлюс.

³⁵ Постановление Шестого Кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-14281/2022 от 26.06.2022. СПС КонсультантПлюс.

³⁶ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-16357/2023 от 12.09.2023; Постановление Шестого Кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-14281/2022...; Решение Вологодского городского суда по делу № 2А-10070/2023 от 13.11.2023; Решение Белебеевского городского суда (Республика Башкортостан) по делу № 2-1456/2023 от 15.12.2023; Определение Северского городского суда (Томская область) по делу № 11-39/2023 от 06.04.2023; Определение Самарского областного суда по делу № 33-714/2024 от 13.02.2024; Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-488/2024 от 06.02.2014. СПС КонсультантПлюс.

³⁷ Решение Ногинского городского суда (Московская область) по делу № 2-55/2022 от 03.02.2022. СПС КонсультантПлюс.

³⁸ Решение Центрального районного суда города Прокопьевска (Кемеровская область) по делу № 2-891/2023 от 12.12.2023. СПС КонсультантПлюс.

³⁹ Определение Московского областного суда по делу № 33-9540/2023 от 20.03.2023; Решение Городецкого городского суда (Нижегородская область) по делу № 2-1172/2021 от 07.10.2021; Решение Сокольского районного суда (Вологодская область) по делу № 2-19/2024 от 13.02.2024. СПС КонсультантПлюс.

часто приводят к последствиям, которые предсказуемы для большинства участников оборота. Однако действия делинквента, такие как уверенность в контроле над ситуацией, полагание на отсутствие пешеходов и наличие большого водительского стажа, говорят о том, что умысел отсутствует. Но насколько правильно утверждать это, если последствия автокатастроф, как правило, ожидаемы с более тяжкими последствиями, включая смерть третьих лиц? Могут ли подобные меры предосторожности определять форму вины? Почему в этой ситуации субъективная концепция вины преобладает над объективной (мы считаем, что у правонарушителя не было ни намерения, ни желания, ни знания о последствии в виде смерти), хотя такие фразы, как *предвидел* или *осознавал*, только приписываются судами из-за невозможности их объективной проверки? Или же признак случайности в этом контексте действительно свидетельствует об отсутствии умысла? Кроме того, следует ли считать смерть третьего лица в результате нарушения ПДД типичным, атипичным или вероятностным последствием для умышленного нарушения правил дорожного движения?

Здесь возникает и другой вопрос, связанный с положениями п. 1 ст. 1079 ГК РФ, т. е. со строгой ответственностью, при которой вина, казалось бы, не должна устанавливаться судом, однако обобщение правоприменительной практики свидетельствует об обратном. Объяснить это могут ряд причин:

- формальное воспроизведение материалов уголовного дела или дела об административном правонарушении;
- вина не является условием деликтной ответственности, а влияет на определение размера ответственности.

Установление вины при строгой ответственности может иметь значение исключительно для определения размера ответственности. Об этом обоснованно пишут J. K. Robbennolt и V. P. Hans, указывая, что степень, виды и тяжесть оснований для привлечения лица к ответственности являются важными для определения объема ответственности (*extent of liability*). Авторы приводят следующий пример: курьер либо случайно (потому что он забыл, что в грузовике была включена задняя передача), либо умышленно (потому что он разозлился на собственника дома) въехал на своем грузовике в дом, причинив ущерб, который страховая компания оценила примерно в 1000 долларов. Данный случай был предложен для обсуждения

участникам социального исследования. В результате чего ими был определен размер ответственности в 1732,14 доллара для намеренно причинившего вред курьера и 792,86 доллара для курьера, причинившего вред ненамеренно [29, с. 46]. Об этом есть некоторые рассуждения и в российской литературе, в том числе о признании необходимости учета вины либо для обоснования размера ответственности [30, с. 412], либо для его опровержения [31, с. 42].

На текущий момент нет исследований, которые бы подтвердили на конкретных схожих фактических обстоятельствах при неодинаковых формах вины разный размер ответственности. Типичные случаи, в которых суды указывают на учет таких обстоятельств, относятся к делам о взыскании компенсации морального вреда (в силу прямого указания п. 2 ст. 1101 ГК РФ)⁴⁰. Более редкими служат ситуации, когда суды учитывают степень вины, в том числе простой характер неосторожности⁴¹; приводят рассуждения об отграничении простой неосторожности от грубой для изменения размера ответственности⁴² и другие обстоятельства⁴³.

Итак, ключевыми признаками грубой неосторожности в судебной практике можно назвать: а) наступление последствий или угроза их наступления, которые типично ожидаемы третьими лицами; б) нарушение (отклонение от ожидания) конкретных (однозначных) правил и инструкций; в) типичность нарушения. Однако указанные признаки могут быть подвергнуты деконструкции.

2. Установление простой неосторожности.

Понятие *легкая неосторожность* используется, прежде всего, в научных изысканиях [32; 33, с. 107], тогда как в практике, как мы видим, такая вина обозначается синонимичными понятиями *простая неосторожность*, *простая небрежность*, *небрежность*, под которыми понимается менее упречное, чем грубо неосторожное поведение.

Относительно содержания всех этих понятий выработан общий консенсус. Так, Верховным Судом РФ простая неосторожность определяется отсутствием требуемой при определенных обстоятельствах внимательности, предусмотрительности и заботливости⁴⁴, что не вносит определенности, т. к. это же понятие применяется для всех других видов вины. Нижестоящие инстанции отталкиваются от следующего тезиса при понимании простой неосторожности: «При грубой неосторожности нарушаются обычные, очевидные для всех требования, предъявляемые к лицу, осуществляющему

⁴⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 78-КГ24-1-КЗ...

⁴¹ Решение Арбитражного суда Свердловской области № А60-21377/2011 от 21.10.2011. СПС КонсультантПлюс.

⁴² Решение Центрального районного суда г. Новосибирска № 2-4868/2014 от 13.11.2014. СПС КонсультантПлюс.

⁴³ Определение Тюменского областного суда № 33-5160/2021 от 06.10.2021. СПС КонсультантПлюс.

⁴⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 18-КГ21-135-К4 от 17.12.2021. СПС КонсультантПлюс.

определенную деятельность. При простой неосторожности, наоборот, не соблюдаются повышенные требования»⁴⁵.

В отдельных судебных актах приведенное понимание дополняется такими признаками, как:

- недостаточность осмотрительности и внимательности («лицо проявляло некоторую осмотрительность и внимательность, однако недостаточную для того, чтобы избежать причинение вреда»⁴⁶);
- вмененное долженствование («ответчик не желал причинить истцу страдания, но мог и должен был предвидеть, что его действия повлекут нравственные страдания истца»⁴⁷);
- обыкновенность неосмотрительности («к простой неосторожности следует относить обычную неосмотрительность, опрометчивость, легкомыслие в предотвращении, избегании какой-либо опасности»⁴⁸; «при грубой неосторожности проявляется явная неосмотрительность, а при простой неосторожности неосмотрительность не носит явно выраженного характера»⁴⁹).

Описание простой неосторожности судами в большинстве случаев совпадает. Исключение составляют редкие практики, когда такое описание является хаотичным и неопределенным из-за смешения несоотносимых признаков. Например, при определении простой неосторожности через уголовно-правовую категорию *легкомыслия* (грубая неосторожность), а также в случаях приписывания предвидения очевидных последствий (характерных умыслу) простой неосторожности.

Нередко простая неосторожность интерпретируется через отождествление с уголовно-правовой категорией *небрежность*⁵⁰ (наименее упречный вид неосторожности в уголовном праве), закрепленной в ч. 3 ст. 26 УК РФ.

На наш взгляд, простую неосторожность следует рассматривать в тех случаях, когда лицо предприняло меры, которые, по его мнению, были достаточными для предотвращения негативных последствий, но последствия все равно наступили. При этом, исходя из норм законодательства и (или) ожиданий третьих лиц, делинквент должен был предпринять другие действия и (или) гораздо в большем количестве. Важно к тому же учитывать конкретные обстоятельства, включая объективные характеристики причинителя вреда, такие как образование, опыт, а также обстановку, в которой произошел деликт. Обращение к названным обстоятельствам, как нам видится, отнюдь не предопределяет субъективный характер вины в гражданском праве. Поскольку повышение размера ответственности, например, за деликт именно по той причине, что его совершил профессионал, отражает учет объективно существующих обстоятельств.

В частности, суд, процитировав ранее вынесенный по тому же факту приговор, указал, что врач «проявляя преступную небрежность, не предвидел возможности наступления общественно-опасных последствий своих бездействия и действий в виде смерти ФИО23, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности, имея высшее медицинское образование, длительный стаж работы по специальности врача анестезиолога-реаниматолога, обладая для этого необходимыми знаниями и навыками, должен был и мог предвидеть эти последствия»⁵¹. Аналогично и в других решениях⁵².

Наиболее часто встречающийся в судебной практике деликт в виде совершения ДТП не исключает возможность установления у причинителя вреда простой неосторожности. Например, если вождение при соблюдении скоростного режима и иных правил дорожного движения было осложнено суровыми погодными

⁴⁵ Определение Кемеровского областного суда № 33-2388/2023 от 16.03.2023; Определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 33-1552/2023 от 06.03.2023; Решение Колпашевского городского суда (Томская область) № 2-13/2023 от 22.02.2023; Решение Норильского городского суда (Красноярский край) № 2-33/2023 от 17.01.2023; Определение Тюменского областного суда № 33-6286/2022 от 12.12.2022; Определение Хабаровского краевого суда № 33-7854/2022 от 01.12.2022; Определение Кемеровского областного суда № 33-10505/2022 от 08.11.2022; Определение Верховного суда Республики Башкортостан № 33-18809/2022 от 03.11.2022; Решение Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) № 2-3433/2022 от 03.11.2022; Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 8Г-1239/2022 от 01.05.2022; Определение Московского областного суда № 33-2327/2021 от 20.01.2021; Постановление Первого Арбитражного апелляционного суда № А43-596/2020 от 26.10.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴⁶ Решение Благовещенского городского суда (Амурская область) № 2-5543/2019 от 20.08.2019; Решение Первомайского районного суда г. Пензы (Пензенская область) № 2-1609/2020 [М-1705/2020] от 09.11.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴⁷ Решение Октябрьского районного суда г. Владимира (Владимирская область) № 2-3319 от 29.09.2010. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴⁸ Определение Свердловского областного суда № 33-3533/2022 от 23.03.2022; Определение Пермского краевого суда № 33-8473/2021 от 06.09.2021. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴⁹ Решение Заводского районного суда г. Орла (Орловская область) № 2-2931/2014 от 29.12.2014; Решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) № 2-1826/2023 от 06.06.2023; Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска (Ульяновская область) № 11-113/2018 от 22.06.2018; Определение Краснодарского краевого суда № 33-7240/2018 от 01.03.2018; Постановление 17-ого Арбитражного апелляционного суда № А50-20086/2013 от 15.05.2014; Постановление Четырнадцатого Арбитражного апелляционного суда № А05-8758/2010 от 13.01.2011. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵⁰ Определение Чкаловского районного суда № 11-7/2017 от 01.07.2017. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵¹ Решение Заволжского районного суда города Твери № 2-2785/2021 от 02.12.2021. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵² Определение Владимирского областного суда № 33-2584/2020 от 02.09.2020; Определение Оренбургского областного суда № 33-1167/2020 от 13.02.2020; Определение Верховного суда Республики Башкортостан № 33-8238/2020 от 04.08.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

условиями, что стало условием возникновения аварии с причинением вреда здоровью, поскольку на водителя как профессионала возложен высокий стандарт осмотрительности. Отличие данного примера от ранее рассмотренного в контексте грубой неосторожности заключается в том, что лицо управляло автомобилем так, как оно это делает обычно, и не совершало типичного нарушения, такого как проезд на красный сигнал светофора. Однако действия в измененных условиях требовали другого поведения, которого водитель не выбрал.

Таким образом, возможность установления простой неосторожности – это оценка фактических обстоятельств дела, которые чаще всего связаны с тем, что неправомерное поведение обуславливается совокупностью внешних обстоятельств, которые не были учтены делинквентом при совершении поступка.

Заключение

Профессор частного права Оксфордского университета Н. Scott, исследующая предсказуемость в деликтном праве, утверждает, что обязанность заботы заключается в осуществлении разумно предсказуемого поведения [34, р. 287]. Стоит добавить, что предсказуемость или ожидания должны строиться с учетом исторического и социокультурного контекста правовой реальности. Вопрос об ожиданиях тесно связан с предвидимостью. Если мы должны оправдывать ожидания других относительно нашего поведения, то обязаны предвидеть последствия наших поступков, их влияние на третьих лиц, включая причинение вреда, который все признают таковым. На наш взгляд, эта идея часто упускается из виду в российском праве. Можно сделать вывод, что субъективная концепция вины ориентирована на делинквента как на субъекта, который должен соблюдать регулятивное правило. Она возлагает на него обязанности по знанию, предвидению и, в некоторых случаях, даже желанию, в отличие от объективной концепции вины, которая отражает во внешнем мире происходящее, не соответствующее ожиданиям общества и то, что способен оценить суд.

В действительности нельзя четко определить имманентные признаки вины. Это понятие релятивное (относительное), конвенциональное (как «договоряются» законодатели), оно суть – социальный конструкт, лишь отчасти отражающий некоторые социальные реалии: уничтожение чужого имущества; привлечение врача другой квалификации для операции из-за нехватки медицинского персонала; проезд на красный сигнал светофора, чтобы успеть на важную встречу, при этом те же действия могут быть совершены без вины, когда потерпевший сам просит уничтожить имущество; когда привлечение врача другой специальности было крайней необходимостью; когда красный сигнал светофора горит всегда из-за его неполадки.

В естественном состоянии нельзя представить вину; вина есть не что иное, как ряд признаков (субъективных и объективных), помогающих нам описать несоответствующее поведение, приводящее к нарушению субъективного права.

Презумпция вины, установленная в ст. 1064 ГК РФ, реализуется в качестве общего правила строгой ответственности, т. к. суды фактически освобождены от ее установления. В этой связи вина теряет свое значение условия деликтной ответственности в условиях отсутствия развитой системы страхования.

Для умышленной вины в деликтном праве субъективная концепция вины не свойственна, а ее словомаркеры (осознавал, предвидел, желал) приписываются судами для соблюдения традиции, за которой не следует какое-либо объяснение [35; 36]. В действительности умысел либо приписывается на основании уже вынесенного ранее судебного акта по уголовному или административному делу, что в совокупности с презумпцией вины в деликтном праве и преюдицией делает умысел эфемерной категорией. В иных случаях умысел определяется по фактическим обстоятельствам, через которые проявляется поведение причинителя.

Грубая неосторожность проявляется в типичных нарушениях, последствия которых ожидаемы третьими лицами. Однако делинквент, совершая действия, исходит из точно определенных обстоятельств, которые, по его мнению, могут предотвратить вредный результат. Этот вид неосторожности характерен для нарушений очевидных правил с четко установленной моделью поведения, таких как правила дорожного движения.

Простая неосторожность заключается в поведении лица, которое для него является привычным, но в силу изменившихся условий оно должно было предпринять иные меры или в большем количестве, однако эти меры не были предприняты.

Условное деление вины на умысел и неосторожность, включая грубую и простую, существует только в идеальных концепциях. В действительности дать точное определение каждой форме вины невозможно из-за их социальной конструируемости, что означает, что форма вины определяется в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств дела. Это требует ориентира исключительно на типичность наступивших последствий, характер поступка и внешние обстоятельства.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Красавчиков О. А. Советское гражданское право. М.: Высш. шк., 1969. Т. 2. 533 с. [Krasavchikov O. A. *Soviet civil law*. Moscow: Vyscs. shk., 1969, vol. 2, 533. (In Russ.)]
2. Байбак В. В. Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ: старые правила в новом контексте. *Закон*. 2016. № 10. С. 132–143. [Baibak V. V. General conditions of liability for breach of obligations of Article 401 of Russian civil code: Old rules in the new context. *Law*, 2016, (10): 132–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wymwoz>
3. Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. Киев: Киевский университет, 1955. 308 с. [Matveev G. K. *Fault in soviet civil law*. Kyiv: Kyiv University, 1955, 308. (In Russ.)]
4. Плотников В. А. Неосторожность как форма вины в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 26 с. [Plotnikov V. A. *Negligence as a form of fault in civil law*. Cand. Law Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1994, 26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zlhzub>
5. Голубцова Ю. А. Юридическая конструкция вины в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 30 с. [Golubtsova Yu. A. *Legal construction of fault in Russian civil law*. Cand. Law Sci. Diss. Abstr. Kazan, 2015, 30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zprvqf>
6. Цитович П. П. Обязательства: конспект лекций по русскому гражданскому праву, читанных в Университете Св. Владимира П. П. Цитовичем: (весенний семестр 1887 г.). Киев: Типо-лит. И. Н. Кушнерева и К, 1887. 104 с. [Tsitovich P. P. *Obligations: Lecture notes on Russian civil law, delivered at St. Vladimir University by P. P. Tsitovich (spring semester 1887)*. Kiev: Tipo-lit. I. N. Kushnereva i K, 1887, 104. (In Russ.)]
7. Богданов Е. В. Отдельные методологические проблемы эволюции вины в гражданском праве. *Lex Russica*. 2023. Т. 76. № 4. С. 75–85. [Bogdanov E. V. Separate methodological problems of the evolution of guilt in civil law. *Lex Russica*, 2023, 76(4): 75–85. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.197.4.075-085>
8. Иваненко В. В. Содержание категории вины в гражданском праве: в поисках оптимального решения. *Вестник гражданского права*. 2023. Т. 23. № 1. С. 7–70. [Ivanenko V. V. The content of fault in civil law: In search of an optimal solution. *Civil Law Review*, 2023, 23(1): 7–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-1-7-70>
9. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. 239 с. [Fleishits E. A. *Obligations arising from harm and unjust enrichment*. Moscow: Gos. izd-vo iurid. lit., 1951, 239. (In Russ.)]
10. Севостьянова А. А. Вина в смысле, придаваемом ей судами. *Закон и власть*. 2024. № 5. С. 54–60. [Sevostianova A. A. Fault in the sense attributed to it by the courts. *Law and Authority*, 2024, (5): 54–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/exwrkc>
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 377 с. [Habermas J. *Moral consciousness and communicative action*. St. Petersburg: Nauka, 2000, 377. (In Russ.)]
12. Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с. [Krylov V. G., Romanov A. K. *Tort obligations and tort liability in the English, German and French law*. Moscow: Iustitsinform, 2017, 376. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yfkwj>
13. Честнов И. Л. Методология и методика научного исследования. СПб.: СПбЮИ (ф) УП РФ, 2018. 124 с. [Chestnov I. L. *Methodology and methods of scientific research*. St. Petersburg: SPbLI (b) UP RF, 2018, 124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypwgxb>
14. Dworkin R. *Justice of robes*. Cambridge: Harvard University Press, 2006, 320.
15. Dworkin R. Hart's Postscript and the Character of political philosophy. *Oxford Journal of Legal Studies*, 2004, 24(1): 1–37. <https://doi.org/10.1093/ojls/24.1.1>
16. Dworkin R. *Law's empire*. Cambridge: Harvard University Press, 1986, 470.
17. Звечаровский И. Э. Освобождение от ответственности и наказания в уголовном праве России. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2018. № 12. С. 81–87. [Zvercharovskiy I. E. Exemption from liability and punishment in Russian criminal law. *Courier of the university named after O. E. Kutafin*, 2018, (12): 81–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.52.12.081-087>
18. Зикун И. И. О профессиональном стандарте деятельности доверительного управляющего. *Закон*. 2024. № 2. С. 26–36. [Zikun I. I. On the professional standard of trustee conduct. *Law*, 2024, (2): 26–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-2-26-36>
19. Харламов А. Н., Пристенский В. Н. Вина, ответственность, право в контексте взаимоотношений личности с социумом (социально-философский аспект). *Вестник Воронежского института МВД России*. 2014. № 1. С. 253–261. [Kharlamov A. N., Pristenskiy V. N. Blame, responsibility, law in the context of the relationship

- between an individual and the society (social-philosophical aspect). *Vestnik of Voronezh institute of the Ministry of the interior of Russia*, 2014, (1): 253–261. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzvvhvx>
20. Mulheron R. *Principles of tort law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2020, 1204.
 21. Robbennolt J. K., Hans V. P. *The psychology of tort law*. NY: New York University Press, 2016, 320.
 22. Пирвиц Э. Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. *Вестник гражданского права*. 2010. № 5. С. 171–215. [Pirvits E. E. Fault, chance, and force majeure in civil law. *Civil Law Review*, 2010, (5): 171–215. (In Russ.)]
 23. Честнов И. Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2016. № 2. С. 62–93. [Chestnov I. L. Constructivist paradigm in law. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2016, (2): 62–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjujxv>
 24. Duff R. A. *Answering for crime: Responsibility and liability in the criminal law*. Oxford-Portland: Hart Publishing, 2007, 342.
 25. Dyson M. *Explaining tort and crime: Legal development across laws and legal systems, 1850–2020*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022, 448. <https://doi.org/10.1017/9781316534861>
 26. Дождев Д. В. Умысел (dolus) и «природа человека» в системе критериев договорной ответственности. *Вестник гражданского права*. 2023. Т. 23. № 5. С. 9–54. [Dozhdev D. V. Fraudulent intent (dolus) and "Human Nature" in the system of contractual liability. *Civil Law Review*, 2023, 23(5): 9–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-5-9-54>
 27. *Basic questions of tort law from a comparative perspective*, comp. Askeland B., Cardi W. J., Green M. D., Koziol H., Ludwichowska-Redo K., Menyhárd A., Moréteau O., Oliphant K., Yamamoto K. Vienna: Jan Sramek Verlag, 2015, 912.
 28. Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1968. 188 с. [Dagel P. S. Problems of fault in Soviet criminal law. Vladivostok: Dalnevostochnoe knizhnoe izdatelstvo, 1968, 188. (In Russ.)]
 29. Robbennolt J. K., Hans V. P. *The psychology of tort law*. NY: New York University Press, 2016, 320.
 30. Идрисов Х. В. Вина как условие деликтной ответственности: доктрина и правовое регулирование. *Наука и молодежь*: Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. (Грозный, 22 октября 2021 г.) Грозный: ЧГУ, 2021. С. 409–413. [Idrisov H. V. Guilt as a condition of tort liability: Doctrine and legal regulation. *Science and youth*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. of Students, Postgraduates and Young Scientists, Grozny, 22 Oct 2021. Grozny: CSU, 2021, 409–413. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36684/52-2021-1-409-413>
 31. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве. М: Статут, 2013. 133 с. [Shevchenko A. S., Shevchenko G. N. *Delictual obligations in Russian civil law*. Moscow: Statut, 2013, 133. (In Russ.)]
 32. Александров Г. А. Просрочка заказчика в договоре подряда. *Проблемы строительного права*, сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. М.: Статут, 2022. Вып. 1. С. 30–74. [Alexandrov G. A. Delay of the customer in the contract. *Problems of construction law*, ed. and comp. Shcherbakov N. B. Moscow: Statut, 2022, iss. 1, 30–74. (In Russ.)]
 33. Дювернуа Н. Л. Конспект лекций по гражданскому праву. СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1894. 402 с. [Duvernois N. L. *Lecture notes on civil law*. St. Petersburg: Tipo-lit. B. M. Volfa, 1894, 402. (In Russ.)]
 34. Scott H. The history of foreseeability. *Current Legal Problems*, 2019, 72(1): 287–314. <https://doi.org/10.1093/clp/cuz009>
 35. Белов В. А. Что такое предвидимость? *Закон*. 2019. № 3. С. 33–46. [Belov V. A. Foreseeability? *Law*, 2019, (3): 33–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zawbhv>
 36. Лухманов М. И. Модель деликтной ответственности в ситуациях альтернативной причинной неопределенности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 222 с. [Lukhmanov M. I. *Model of delictual liability in situations of alternative causal uncertainty*. Cand. Law Sci. Diss. Moscow, 2022, 222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cqvgoh>